

Часть первая СУД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

I Бал

Я уже ложился спать в надежде отдохнуть после нескольких часов непрерывной работы, как кто-то постучался ко мне в дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Частный пристав Кокорин! — отозвался голос из другой комнаты.

Удивленный таким поздним появлением лица, с которым я обыкновенно виделся по утрам и только по служебным обязанностям, я предположил, что ему не просто вздумалось побеседовать со мною. Я накинул на плечи халат и отомкнул дверь.

Кокорин вошел с видом человека, сильно озабоченного.

— Уже первый час ночи, — сказал я ему. — Какова причина вашего посещения? И чем могу служить?

— Извините, дело спешное, я являюсь сюда по приказанию полицеймейстера...

— Да прежде скажите, как вы прошли к моей комнате? Я не слышал звонка.

Привычный, по своей должности, к беспрестьянным происшествиям, я не горел особенным нетерпением немедленно узнать, в чем дело.

— Слуга ваш забыл запереть двери...

— Понимаю. Прошу садиться. Вы говорите, вас прислал полицеймейстер?

— Он приказал доложить вам об ужасном происшествии. У Русланова на балу убили дочь его, девицу Елену Владимировну...

— Может ли быть? Когда?

— Полчаса назад.

— Убийца задержан?

— Убийца неизвестен. Все ждут вас. Мы и протокола не составляли. Полицеймейстер распорядился, чтобы никого не выпускали из дома до вашего прибытия. Я приказал заложить экипаж.

Пока я одевался, а секретарь мой собирал в портфель канцелярские принадлежности, частный пристав рассказывал:

— Сегодня у Русланова бал по случаю помолвки его дочери. Гостей собралось много; там сейчас весь город и все уезды.

— Дочь Русланова должна была выйти, кажется, за Петровского? — спросил я.

— Так точно. Он там же. В разгар танцев невеста почувствовала себя дурно и пошла в свою комнату освежиться. Не прошло и пяти минут, как раздался крик. Петровский и многие из гостей бросились к ней... Ее нашли на кушетке умирающей...

— Что она? Отравлена? Задушена?

— Зарезана.

Я пожал плечами.

— И никаких следов?

— Никаких! Насколько я мог понять из слов полицеймейстера, который был на балу, никаких!

Пришли доложить, что экипаж готов, и мы отправились. Скоро лошади остановились в одной из соседних улиц, около подъезда большого дома, из окон второго этажа которого лился яркий свет. Мы заметили лица, прижавшиеся к стеклам: видимо, моего приезда ожидали с нетерпением.

Швейцар отворил двери. Я поднялся по лестнице, богато изукрашенной и уставленной растениями. Наверху ее стояли несколько мужчин во фраках. Увидев металлические пуговицы моей форменной одежды, один из гостей быстро удалился, и не успел я дойти

до бальной залы, как он возвратился под руку с полицеймейстером, полковником Матовым.

Этот последний, пожимая мне руку, сказал:

— Ну, Иван Васильевич, и голову потеряешь! Что за причина, понять нельзя! Во всем городе тихо и спокойно, и вдруг — где же? на балу! — убийство. Среди многочисленного собрания! И концов нет...

— Пока Кокорин за мной ездил, вы ничего не смогли разузнать?

— Ничего.

— А гости не разъезжаются?

— Я просил всех подождать вашего приезда: кто знает, не окажется ли между ними виновный.

Мы шли по зале. Целый рой дам в бальных туалетах мелькал перед моими глазами. Иные ходили взад и вперед, другие сидели или стояли. Мужчины, густой толпой собравшись в кружок, делились друг с другом своими предположениями касательно таинственного происшествия. Музыканты сошли с хоров и чего-то ожидали. На лицах мужчин я видел любопытство, на лицах дам — недоумение и ужас.

Ко мне подошли несколько мужчин, прося освободить дам от тяжелой необходимости дожидаться составления какого-то акта, до которого им нет дела. Я внутренне соглашался со справедливостью такого требования. Но? во-первых, мне еще ничего не было известно, и Матов ничего не сказал мне о сделанных им распоряжениях, кроме того, что все выходы из дома заняты городскими, а среди гостей, возможно, есть свидетели, показания которых могут иметь существенную важность для начала следствия. А во-вторых, подобное распоряжение входило в состав не моих, а полицейских функций.

Потому я попросил адресовавшихся ко мне гостей обратиться к полицеймейстеру. Но этот последний уже ушел за понятиями, без которых, как известно, осмотры не совершаются.

— Где хозяин дома? — спросил я.

Мне ответили, что он, вероятно, возле трупа. Несколько мгновений я и секретарь мой оставались в недоумении, не видя никого, кто бы показал нам, где находится убитая. Наконец один из слуг указал дорогу. Проходя через гостиную, я заметил девушку, лежавшую в обмороке на кушетке. Это была одна из ближайших подруг покойной, около нее суетились несколько человек.

Пройдя сквозь ряд комнат, мы дошли, наконец, до запертой двери. Комната, в которой мы находились, была совершенно пуста. Слуга объяснил, что следующая комната есть именно та самая, в которой Русланову нашли убитой. Я постучал в дверь, но никто не отзывался. Я повернул дверную ручку.

— Полиция! Боже мой, Боже мой! — раздался слабый женский голос. — Зачем тревожат нас в такую минуту!

Это говорила мать убитой. Бальное платье ее было изорвано и в крови. Она стояла на коленях, прислонившись головою к кушетке. Полнейшее отчаяние выразалось на ее лице.

Кушетка помещалась как раз против двери, в которую я вошел. Комната освещалась слабым светом висячей лампы с розовым колпаком и вся была заставлена диванами, креслами и растениями. Направо и налево было по одной запертой двери. Позади кушетки было растворенное окно, выходившее в коридор. На сажень от этого окна, в самом коридоре, было другое окно, открытое в сад. Других окон, выходящих на улицу или во двор, в этой комнате не было, и днем она освещалась через стеклянный потолок.

Я несколько мгновений оставался в недоумении, куда направиться. Мать убитой указала мне головою на правую дверь. Войдя в нее, я очутился в коридоре, увешанном портретами и освещенном рядом висячих

ламп. Слева, почти в самом конце коридора, я увидел старика, лежавшего в кресле. Руки его были скрещены на груди, а голова свешена вниз. Лицо было покрыто смертельной бледностью, седые волосы спускались на лицо в беспорядке. Перед ним была запертая дверь.

Я слегка коснулся его плеча. Мы были знакомы, это был сам Русланов. Он меня узнал и, приподнявшись с кресла, сказал мне укоряющим голосом:

— Наконец-то вы приехали, господин судебный следователь! Посмотрите, что случилось! Боже мой! Боже мой! Вы должны раскрыть это дело. Не жалейте денег на сыщиков, но непременно раскройте злодеяние!

Он зарыдал и снова опустился в кресло.

Я постарался успокоить старика и добиться от него каких-либо практических указаний. Но Русланов только делал угрожающие жесты и клялся отомстить убийцам.

К нам подошел полковник Матов, за которым следовали несколько мужчин.

— Вот, — сказал он, — понятия. Я играл с ними в карты в кабинете хозяина, когда раздались крики. Где убитая?

— Вот тут! — показал старик-отец, толкнув ногою дверь, перед которой мы стояли.

То была комната его покойной дочери. У образов горела лампада. Мебель была в беспорядке. За столом сидел городской врач, подле которого стояли две горничные. Мне указали на ширмы.

— Умерла? — спросил я.

Врач сделал утвердительный жест. Русланов удалился, рыдая.

На постели за ширмами лежал труп, накрытый простынею. Я вместе с доктором приступил к судебно-медицинскому осмотру тела. С трудом я узнал лицо Елены Владимировны. От ее прежней красоты остались лишь необычайной длины белокурые волосы, которые,

бывало, волнами и кольцами падали на ее мраморные плечи. Лицо и шея были залиты кровью.

Кровь смыли. Отвратительная рана зияла на шее. Края прореза, вершка в три длиною, были узки. Повидимому, она была зарезана острым ножом. Кроме того, правая бровь ее была наполовину отрезана.

Доктор заключил, что Русланова умерла от перереза сонной артерии. Мне объяснили, что когда прибежали на крик покойной, то нашли ее на той самой кушетке, у которой я застал ее мать. Когда она испустила последнее дыхание, ее перенесли в спальню.

Пока мой секретарь занялся перепискою набело акта, я расспрашивал о подробностях происшествия. Полковник Матов до меня уже старался что-нибудь разведать, но тщетно. Я не был счастливее его. На первоначальные расспросы мои никто ничего не мог разъяснить: никто из гостей ничего не знал.

Кто играл в карты, кто танцевал, кто разговаривал, когда вдруг все услышали крик и толпою бросились по направлению, откуда он исходил. В комнату, в которой нашли умирающую, разом кинулось много народу из всех трех дверей. Елена Владимировна лежала на кушетке уже в предсмертной агонии и не смогла произнести ни одного слова.

Мне оставалось исследовать комнату, в которой разыгралась кровавая сцена. Туда же я велел принести одежду и обувь, которые были на покойной. Они, впрочем, не представляли ничего полезного для разъяснения дела, платье было в крови — иначе и быть не могло. Я поручил секретарю опечатать вещи.

На мой вопрос, не было ли на покойной каких-либо драгоценностей, мне ответили, что на ней был бриллиантовый убор, который находится в ее комнате. Его немедленно принесли по моему требованию. Убор состоял из бриллиантовой брошки, серег, ожерелья и звездочки. Меня удостоверили, что только эти вещи

были на покойной, что все они налицо и что ничего не было похищено убийцей.

Не видя среди окружавших меня лиц жениха, я спросил: где находится господин Петровский, не может ли он разъяснить что-нибудь? Его разыскали. Это был высокий плотный мужчина, белокурый, лет тридцати от роду. Мужественная осанка не гармонировала с растерянным выражением его лица.

Я ухватился за него, как кормчий за руль. Но руль оказался не слишком надежный. Под влиянием сильного волнения Петровский ничего ясно не помнил. Он с кем-то вальсировал, когда крик невесты заставил его броситься к ней на помощь. Выходил ли кто из комнаты, где совершено убийство, когда он в нее прибежал, он не заметил. До моего прибытия он ходил по всему дому, осматривал все углы — нет ли кого спрятавшегося? — и всматривался в лица, думая по их выражению угадать преступника.

— Было ли это окно растворено? — спросил я, указывая на окно, находившееся позади кушетки.

— Да, оно было открыто, да и вообще никогда не закрывалось; по цветам и статуям, которые на нем стоят, вы видите, что, не снимая их, закрыть окна невозможно, — ответил Петровский.

— А в коридоре за окном вы никого не заметили?

— Нет.

— А другое окно, из коридора в сад, тоже было открыто?

— Оно открывалось временами с самого начала бала, для освежения воздуха.

Тщательно осмотрев всю комнату, я ничего не смог найти, никакого вещественного доказательства. Только одна статуя на окне была разбита. Никто не мог объяснить, кто ее разбил. Статуя эта изображала Дон Кихота, рассказывающего о своих подвигах. Многие из гостей удостоверили, однако, что в начале вечера статуя была

цела и оказалась разбитой лишь тогда, когда Русланову нашли умирающей.

Нашлись несколько человек, которые утверждали, что спустя мгновение после крика они слышали, как что-то стукнуло, как бы падая. Но звук этот скорее был похож на удар бревна, свалившегося с крыши на мостовую, чем на падение небольшой гипсовой статуэтки. Музыка помешала многим услышать этот шум. Что бы мог означать этот непонятный звук?

Корнет Норбах объяснил мне, что он танцевал с Руслановой вальс, когда она сказала, что у нее закружилась голова, и ушла из залы. Через минуту после того она закричала. Он тоже побежал к ней и застал ее уже на руках жениха, окруженную густой толпой. Ей многие задавали вопросы, но она не могла отвечать. Ему показалось, однако, что головой она указывала на окно.

Сопоставив этот рассказ Норбаха с известием о слышанном шуме, я попросил Матова пойти осмотреть сад. Сам я отправился в левые двери. За ними начинался новый ряд комнат, но и в них я ничего особенного не нашел.

Гости не разъезжались теперь уже просто из любопытства. Я воспользовался этим, чтобы попросить их занять те места и положения, в которых они находились, когда раздался крик. Я сделал это для того, чтобы по возможности сообразить, насколько у каждого была возможность следить за происходившим, а также и для того, чтобы определить, кто из гостей мог заметить, когда и куда проходило то лицо, которое впоследствии оказалось убийцей.

Многие довольно неохотно исполнили мое требование, однако скоро каждый занял свое место. Музыканты взошли на хоры. Молодые люди стали среди залы, в которой они танцевали; пожилые дамы и мужчины уселись за оставленные ими карточные столы. Сам

хозяин встал в зале у входной двери в той самой позе, в которой он прежде наблюдал за весельем своих гостей. Прислуга заняла буфеты и столовые.

Оказалось, что в коридорах и комнатах, непосредственно прилегавших к покою, в котором умерла Русланова, никого не было в тот момент, когда раздался крик. Только в комнате, соседней с той, в которой был мною осмотрен труп, поправляла свой туалет девица Анна Боброва — та самая подруга покойной, которую я видел в обмороке.

Через час я обошел весь дом, в котором было до пятидесяти комнат, и секретарь по моему указанию отмечал имя, фамилию и род занятий каждого из присутствующих. Русланова умерла в двенадцать часов пятнадцать минут ночи. В половине третьего мы закончили нашу работу. Затем я объявил, что не вижу надобности в присутствии гостей. Но почти никто не уезжал, дожидаясь, не откроется ли чего-либо важного.

Полковник Матов между тем вернулся и сказал мне, что у того самого окна, которое выходило из коридора, стояла, по словам прислуги, лестница, всегда находившаяся там на случай пожара. Сейчас он нашел эту лестницу лежащей на земле под тем же окном.

Я сам отправился в сад. Действительно, лестница лежала в том положении, как говорил полицеймейстер. По всей вероятности, ее падение и произвело тот шум, который многие слышали. Несколько смятых железных листов на подоконниках во втором этаже еще более подтверждали это предположение: падая, лестница могла задеть их своим верхним концом.

При свете фонарей мы разглядели на снегу свежие следы сапог одного человека, по-видимому, прошедшего недавно от того места, где лестница упиралась в землю. Следы вели через сад к забору. Кое-где возле них виднелись капли крови. По другую сторону забора, на улице, они совершенно терялись в массе других следов.

Я вернулся в дом, чтобы узнать, не было ли в числе гостей архитектора, и, отыскав его, попросил составить план дома. Он обещал доставить его мне на следующий день.

Гости стали разъезжаться, но между ними не было того веселого говора, с которым люди обыкновенно расстаются после бала.

Признаюсь, пробуждаясь не раз от тревожного сна, в котором я провел остаток ночи, я думал, не было ли все случившееся плодом сновидения, таким необычайным казалось мне совершенное преступление.

II ДИАДЕМА

Следующий день принес с собою раскрытие новых обстоятельств, которые на балу не были обнаружены.

Падение лестницы давало повод предположить, что ее мог уронить сходящий по ней человек. Кем же другим мог быть этот человек, как не убийцей Руслановой? Но вот задача: был ли он в доме Русланова до совершения им преступления или же вошел из сада по лестнице, убил Елену Владимировну и затем ушел тем же путем? Узнать это было чрезвычайно важно. Следы крови в саду давали основание предполагать, что бежавший преступник ранил себя, упав вместе с лестницей.

Еще накануне словесные расспросы привели меня к убеждению, что никто из посетителей не уезжал с бала до моего приезда, и все были задержаны по распоряжению Матова. Но нельзя было поручиться, что кто-нибудь не скрылся через окно, тем более что посторонний человек, взбираясь по лестнице, должен был бы знать наперед, что он найдет свою жертву именно в той комнате, которая сообщалась окном с коридором.

Я был более склонен предполагать, что убийца находился на балу до совершения преступления.

С десяти часов утра квартира моя начала наполняться людьми, призванными к допросу. И хотя показания их были мне уже большей частью известны, предстояло все-таки допросить их обо всем формально. Я принужден был ограничиться этими расспросами, пока сыщики и полиция не представят каких-либо новых данных.

Самым удивительным и загадочным являлось то обстоятельство, что убийца ничего не похитил, а потому невозможно было догадаться, что могло послужить причиной убийства.

Я уже приступил к допросам, когда мне доложили о приезде Русланова. Я велел просить его к себе.

Старик вошел ко мне не с тем видом, какой имел накануне. Он появился тихо и едва передвигал ногами. Седые волосы его как будто еще более посеребрились за ночь. Он показался мне постаревшим лет на десять.

Я встал со своего места, чтобы помочь ему дойти до кресла, и хотел сказать несколько поддерживающих слов, но старик залился слезами. Долго пришлось мне его успокаивать.

Я боялся, как бы с ним что-нибудь не случилось. Однако, выпив стакан воды, он немного оправился. Тогда я спросил его: что он имеет передать мне?

— Я бессильный, слабый старик, — тихо проговорил он. — На что мне теперь мое богатство? С кем мне им делиться? Кому оставлю я свое состояние?..

Он вновь заплакал.

— Вы имели что-то сказать мне, если не ошибаюсь?

— Да! Вот, я уже и забыл, зачем пришел сюда, хотя имел что-то важное передать вам.

— Не можете ли вы указать мне на какие-нибудь следы? На какую-нибудь вашу догадку? Не имеете ли вы какого-либо подозрения? Чем объясняете вы себе